

УДК 930:669.1+ 81'373.21+ 81'282(470.58)

ПАМЯТЬ О МАЙКОРСКОМ ЗАВОДЕ В ЯЗЫКЕ И СЕМЕЙНЫХ РАССКАЗАХ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ¹

Светлана Юрьевна Королёва

к. филол. н., доцент кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. petel@yandex.ru

Екатерина Александровна Ключикова

к. филол. н., старший преподаватель кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. nese91@gmail.com

Поддержание памяти об исчезнувших заводах и сохранение особой идентичности поселковых жителей с течением времени становятся проблематичными для локального сообщества. Некоторые культурно-языковые механизмы, на которых базируются такие память и идентичность, описываются в статье на примере п. Майкор Пермского края. Анализ устных рассказов позволяет выделить лексику, обусловленную существованием завода (промышленную микротопонию, заводскую терминологию и связанные с ней паремийные выражения и т. п.). Материальным воплощением заводской памяти становятся локусы, а также предметы, приобретающие статус реликвий (продукция с клеймами, самодельные металлические предметы и др.).

Ключевые слова: Средний Урал; промышленная микротопонимия; заводская терминология; локальная память; устные семейные рассказы.

Введение

В XVII–XVIII вв. в связи с открытием и разработкой богатых горнорудных ресурсов на Урале формируются поселения особого типа – с доминирующим заводским производством. В «Горном уставе» В.Н. Татищева они именуются «горными заводами», в научной литературе их называют «завод», «поселок», «заводской поселок», «заводское село», «город-завод» [Чагин 2014а: 14]. Производственные нужды определяют расположение таких поселений относительно объектов местного ландшафта (как правило, по берегам рек), детерминируют их внутреннюю планировку. Более сложная, по сравнению с крестьянскими селами и деревнями, социальная структура, специфические формы труда и бытового уклада приводят к формированию особой разновидности русской культуры, а также, по мнению ряда этнографов, отдельной «этнокультурной общности» или даже «этнографической группы», которую составило горнозаводское русское население Среднего и Южного Урала [Миненко 1995: 31]. У жителей заводских сел и поселков складывается собственная социокультурная идентичность, проявляющаяся в том числе и в языке [Голикова 2006: 10–12; Черных 2021: 140–147]. Во второй половине XIX – нача-

ле XX вв. в силу экономических причин происходит массовое закрытие небольших горных заводов, которое продолжается и в более поздний период. По прошествии значительного времени сохранение особого самосознания, равно как и памяти о существовавших заводах, оказывается не беспроблемным для локальных сообществ; сегодня оно основывается на особых механизмах языка и культуры, которые и составляют наш исследовательский интерес.

В 2020 г. сотрудники лаборатории теоретической и прикладной фольклористики Пермского государственного национального исследовательского университета провели полевые исследования в п. Майкор Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа; в задачи экспедиции входил сбор устной истории и выявление форм локальной памяти о работавшем здесь Майкорском металлургическом заводе. В этой статье будет представлена лишь часть собранного материала. Мы сосредоточимся на том, как существование промышленного предприятия отражается в языке жителей Майкора (в виде индустриальной микротопонимии, паремийных выражений, диалектных наименований продуктов производства и т. п.). В работе приводятся и семейные рассказы, если в них упоминаются связанные с заводом

объекты. Часть сведений извлечена из аудиозаписей беседы с краеведом Т.А. Неволной и из тематической экскурсии по поселку и Майкорскому музею, проведенной его директором Н.А. Швецовою; основной материал составили интервью со старожилами поселка и его уроженцами, сохраняющими тесную связь с родной для себя территорией².

Из истории Майкорского завода

Приведенные данные будут более понятными, если иметь в виду основные вехи истории поселка и завода. Поселение с названием Майкор впервые упоминается в писцовой книге М. Кайсарова 1623 г. (*Деревня Майкор, что была Турманское городище на реке на Иньве*), его население составляют иньвенские коми-пермяки, земли являются государственными (черносошными), но в 1702 г. переходят в подчинение Строгановых, чьи вотчины находятся по соседству [Чагин 2014б: 158–159]. Более ста лет спустя, в 1811 г., владелец Пожевского завода В.А. Всеволожский закладывает здесь Никитинский железоделательный завод. Создание промышленного предприятия сопровождается перевозом русских крестьян (преимущественно выходцев из современных Александровского и Сивинского районов Пермского края), составивших основное население горного завода. В 1880-х гг. он переходит в собственность П.П. Демидова, на рубеже XIX–XX вв. производство модернизируется, завод становится и чугуноплавильным. В советский период после непродолжительного закрытия предприятие становится доменным цехом Чермозского завода, а с 1939 г. вновь работает как самостоятельный Майкорский металлургический завод (см. Рис. 1). Поселение в это время успешно развивается и в 1940 г. получает статус поселка городского типа. Однако в 1950-х гг. в связи с образованием Камского водохранилища промышленная часть Майкора попадает в зону затопления, в 1954 г. завод останавливает производство, а через год прекращает существование [там же: 159–162, 172–173]. С этого времени до 1998 г. главным промышленным предприятием поселка является Иньвенский рейд, занимающийся лесосплавом. После его закрытия начинается отток населения, численность жителей современного Майкора составляет около 2,5 тыс. чел.

Наименования заводских объектов

Анализ названий локусов и объектов, возникших в ходе промышленных разработок, – одно из направлений современной ономастики. Исследователей интересуют наименования месторождений и рудников как таковые [Макарова

2020; Запольских, Подюков 2021]; иногда номинации, связанные с месторождениями металлов, драгоценных, полудрагоценных и поделочных камней, рассматриваются как особые номинативные системы, которые имеют специфические характеристики [Иванова 2020; Костылев 2020, 2021]³. Представляется, что аналогичным образом могут быть рассмотрены и наименования объектов, обусловленных существованием металлургических заводов. Данные, собранные в Майкоре, с одной стороны, дают пример такой локальной номинативной системы, а с другой – позволяют обнаружить объективные трудности, связанные с выделением названий. В некоторых случаях трудно разграничить диалектные названия промышленных объектов как таковых (плотины, шлюзов, заводских корпусов, железной дороги и т. п.) и наименования мест, где эти объекты располагались, т. е. микропонимы. Ранее подобная «неуловимость», размытость микропонимии уже констатировалась исследователями на другом материале; в частности, отмечен стихийный, бессознательный характер возникновения местных названий, их неустойчивость, изменчивость, близость к именам нарицательным, малоизвестность (локальность) [Зверева 2019: 37–38]. Мы приводим как названия заводских объектов, так и названия локусов (наименования вторых пишутся с заглавной буквы).

Обычно в системе микропонимов заводских поселений и окрестностей значительное место занимают названия рудников, шахт, штолен. Однако в Майкоре не было собственных месторождений, на предприятии использовалась привозная руда. Основной для возникновения части местных микропонимов послужили некоторые гидротехнические сооружения (см. карту с заводскими корпусами, прудом и руслом реки на Рис. 2).

Выплавка металла и изготовление металлических изделий было невозможно без реки, на которой строилась *плотина* – обязательный элемент заводского ландшафта [Голикова 2013: 38–41]:

*А вот она, та самая знаменитая **плотина**, вот она, видите? Вот такой подковой. А вот это пруд. Вот это тот самый пруд, но, видите, здесь сейчас всё залито [ШНА];*

*И вот эту **плотину** делали искусственно с помощью тележек, лопат, кирок и так далее. <...> Значит, **плотину** строили... ее строили, я вот вам скажу, исключительно руками и ногами! <...> Куштан, кайло – вот это вот ими вырубали там землю. Вот в воспоминаниях старожилов есть, как народ сгоняли на строительство этой **плотины**. То есть у нас **плотина** вот эта, которая заводская, да еще с руслом, она тянется на семь километров. Это вообще уникально! [ШНА] (список информантов см. в конце статьи).*

Рисунок 1. Майкорский завод в середине XX в. (фото из личного архива О.Б. Ситёвой)

Рисунок 2. Карта Никитинского завода, XIX в. (из экспозиции Майкорского музея)

В речи жителей Майкора встречаются также названия *плотинá*, *плотинька*:

И до той Забойки плотинка была, с завода когда отливали вот это шлак горячий, и открывали, железная дорога проходила, и сливали, и так насливали, насливали – и получалась такая плотинá. Мы по ней ходили по ягоды, и туда ходили везде, плотинка. Она и щас [НТА];

Потом поворачивала прямо, и вот как раз плотинка была, и чтобы катера ходили от рейда, там прорезали <...>. А с завода шла плотинка километров пять, и по ней и ходили [НТА].

Плотину постепенно удлиняли, сливая на нее расплавленный шлак; частично виднеющееся над водой сооружение сейчас называется *Шлаковка*:

Сливали, это просто отходы из домны свозили <...>. Вот и образовался такой островок. Очень такой красивый. Ну, он был голый, лысый, ни деревьев, ничё нету, а щас он оброс. <...> Это и называется Шлаковка, оттого что, ну, свозили это отходы, сливали, как говорится, с домны, папа мне всё говорил [СОБ];

Там прямо видно, как выливали эту горячую лаву и она так вот пластами и лежит застывшая. <...>

Королёва С.Ю., Ключикова Е.А.
ПАМЯТЬ О МАЙКОРСКОМ ЗАВОДЕ
В ЯЗЫКЕ И СЕМЕЙНЫХ РАССКАЗАХ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

*Кусты, кусты вот так идут полукругом. Вот это самая плотина... Вообще мы сейчас ее называем **Шлаковка**, потому что там илак. <...> «А на Шлаковку съездили покупаться, отдохнуть», «А на Шлаковке!» Тоже местное название. Вот мы сейчас здесь купаемся, там купаемся, на **Шлаковку** ездили купались. <...> Да, вот там в кустиках, там очень красиво. Там этот илак видно прямо, он такой голубой, красивый, вот этот вот с отливом [ШНА].*

Встретилась также форма мн. ч. *Шлаковки* (затопленная плотина выглядит как несколько островов, см. Рис. 3–4):

*Да, вот они, **Шлаковки-то**, острова, они так и называются. Потому что туда валили, валили. Впервые, чтобы и плотину сдерживать там, чтобы не размыло ничё там это. Оно очень прочно так это цементировало плотину-то, когда застывало всё это. [Это уже в советское время так стали делать или это и раньше?] В советское, советское. Ну раньше-то так же, может, делали [ШНГ]⁵.*

На отдаленную часть плотины можно добраться только на лодке; выражение *поехать на*

Шлаковку подразумевает отдых на бывшей заводской плотине:

[А что такое всё-таки «поехать на Шлаковку»?] *Поехать на Шлаковку – отдохнуть [ШНА].*

По воспоминаниям местных уроженок, слив шлака сопровождался ярким свечением, поэтому в детстве именно в это время они старались идти в школу:

КВФ: *Внизу, значит, Шлаковка, как мы называем сейчас, там выливали илак. И вот илак выливали всегда полдевятого утра. <...> И вот когда я уже ходила в школу, мы должны были до школы, пока это выливают илак, всё небо такое красное-красное... и мы в это время <...> должны были добежать до школы. Мы бежали, значит, ой... ЧТФ: Светло! КВФ: Светло! Так хорошо, мы бежим быстрее в школу. <...> Зимой-то вот мы ждали, когда начнётся, илак сливать начинали... Вечером тоже сливали, но мы-то в школу шли полдевятого. И вот мы ждали, когда начнут сливать. <...> Вот мы специально ждали, быстрее выходили из дома и бежали в школу.*

Рисунок 3. Вид на Шлаковку, 2020 (фото С.Ю. Королёвой)

Рисунок 4. Шлаковка, 2020 (фото О.Б. Ситёвой)

Рисунок 5. Большая Забойка (фото из архива Т.А. Неволиной)

Другим важным для производственного цикла объектом был пруд, который раньше назывался *Заводской пруд*:

А вот на карте его назвали уже Заводской пруд. Вот на нашей карте, которую вы смотрели, там написано название Заводской пруд [ШНА].

В современных материалах этот гидроним не встречается.

Русло реки и пруд в разных местах соединяли два канала с шлюзами, регулировавшие уровень воды; они получили названия *Большая Забойка* и *Малая Забойка* (см. Рис. 5):

Вот оно русло идёт, вон там видно – русло идёт. <...> И именно там и была Малая Забойка. Большая Забойка была дальше там намного... А уже здесь Малая Забойка, здесь они уже регулировали, сколько воды надо: много, немного [ШНА];

Чтоб завод работал, вода нужна была. А чтоб воды, нужно, значит, водохранилище создать. Речка, русло, проходит далеко там. Вот, чтобы перед заводом создать вот эту... [Запруду?] Запруду, да. Вот Забойку сделали здесь. Перва. А чтобы лес сплавать, река-то мелеет потом летом, а весной чтобы сплавить – вторую Большую Забойку поставили вот там [НТА].

Малая забойка называлась также *Майкорской Забойкой*:

[И какая-то еще Майкорская забойка была?] Вот это Малая и есть Майкорская. <...> А вот Большая Забойка, вот она, до нее плотинка была [НТА].

Места, где находились эти сооружения, сегодня практически затоплены, но их названия сохраняются как ориентиры для тех, у кого есть лодки, в т. ч. рыбаков:

Мужик идет рыбачить и говорит: «На Малой Забойке рыбачил». Это шлюзы! Которые, если весна, приоткрывали, лишняя вода уходила. Мало воды –

закрывали, вода накапливалась. <...> Вот у нас, я говорю, названия такие типичные: Малая Забойка. «Уехал на Большую Забойку рыбачить» [ШНА];

Сначала была Большая Забойка <...>, а чуть восточнее – Малая Забойка. Эти шлюзы держали воду для завода. Вот оттуда и пошло выражение «рыбачил (или купался) около Забойки» [Якимова 2020: 39];

Я карту доделывать буду, в смысле, еще с рыбаками поговорю, кто еще рыбаки заядлые, точно знает там это. Потому что я хочу на карту нанести, эти точки там обозначить, написать, что за места. <...> Иной раз едешь – грит: «Вот дак Забойка Малая, вот Большая Забойка, <...> вот еще такое, такое...» [ШНГ].

В числе заводских гидросооружений был специальный канал с шлюзами, называвшийся *прорез*; первоначально в его структуру входил большой деревянный ларь длиной 120 и шириной 20 м, по которому вода направлялась к колесам, приводившим в движение заводские станы и молоты [Чагин 2014б: 160]:

У нас есть название прорез. И вот в этом прорезе как раз были валы, которые вращали огромные турбины, под которыми делали листовое железо. Вот за это изобретение, слияние пруда и русла Иньвы, Воеводин, конечно, был поощрен очень хорошо [ШНА]⁶.

В советское время сооружение использовалось для мальчишеских игр:

Там шлюзы были. И щас они есть еще, эти шлюзы, воду закрывали эти шлюзы и наполняли водой, лес сплавливали в то время. Мы в этих шлюзах спускались, играли. Она высокая, шлюза-та, метров пять, наверное. <...> Это прорез называется, в прорезе. [Но сейчас эти шлюзы не видно, если не знать.] Ну, весной-то их видно, вода-то уходит, и шлюзы-то верхние еще видно эти. Оно еще все существует там. [А не страшно было там играть?] Ну, страшно, страшно.

Королёва С.Ю., Клюйкова Е.А.
ПАМЯТЬ О МАЙКОРСКОМ ЗАВОДЕ
В ЯЗЫКЕ И СЕМЕЙНЫХ РАССКАЗАХ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

А там вода-то, она прибывала только, закроешь дак... А ее спускали, эту воду-то... чтобы деревья-то сплавлять было. В то время тоже сплавляли лес. Вот мы играли там [ГХР].

После затопления завода и перевода в Майкор части Иньвенского рейда возникла потребность обеспечить беспрепятственное хождение речных судов; для этого была прорезана плотина и углублено дно:

*...и вот как раз плотинка была, и чтобы катера ходили от рейда, там прорезали, **Прорез** называется это место. Да, прорезали. А с завода шла плотинка километров пять, и по ней и ходили [НТА].*

По имеющимся полевым материалам трудно определить, называется ли Прорезом одно или два разных места. В речевом обиходе местных жителей существует выражение *идти в Прорез* ‘спуститься к бывшему заводу’:

*Сегодня выражение «идти в **Прорез**» означает спуститься под гору и идти по дороге, ведущей к месту бывшего завода [Якимова 2020: 39].*

Зафиксирован случай, когда основой для возникновения микропонима послужило существование одного из заводских зданий – общественного туалета: место на реке, где он располагался до затопления, называется *Говённое/Говённая*:

*У нас даже есть такое название, ну есть! – **Говённое**. Мы не могли понять, почему Говённое? А оказывается, там стоял туалет заводской. [Говённое что?] Место. «Куда едешь рыбачить?» – «На **Говённую!**» <...> Охотника взять, у них какая-то своя терминология: «Куда едешь?» – «На Татарскую»;*

«Куда едешь?» – «На Говённую иду! Рыбачить. Там у Забойки мерёжку поставил» [ШНА].

Жители хорошо помнят о таком заводском объекте, как железная дорога – *железка*:

*Она вот поднималась от завода, вот если брать здесь вот, где Прорез, и там вот, автостанция где. <...> Вот в этом районе она, **железка**, поднималась вверх и дальше пошла на Пожву, в Усть-Пожву. <...> А там просека идет – она, **железка**, уходила в эту просеку, на Усть-Пожву уходила. <...> Ну вот эта часть не зарастает. Там никто ничё не вырубает, просто как по бокам деревья, а вот сама эта линия-то железки-то, она плохо прорастает. Потому что шлак там, шлак [ШНГ].*

Встретилось также название *железная дорожка*:

*Это рассказ моей мамы, она у меня работала кондуктором на паровозе. У нас же **железная дорожка** проходила внизу [ШНА].*

Внутри исторической части поселка Майкор одно из старинных деревянных зданий настоящее время занимает местная администрация (см. Рис. 6), но пожилые жители называют это здание *контора*:

*«Иду в **контору**». Почему в **контору**? И только потом, когда я уж стала работать с источниками, – это была **контора** завода. То есть вот это здание администрации по-прежнему называют: «Иду в **контору**». [Раньше здесь была бухгалтерия и поссовет?] Да, а сейчас администрация. Но народ иногда говорил: «Иду в **контору**»... Видите, окна поменяли, крышу поменяли. Орнамент остался. Кирпичная кладка осталась заводская [ШНА].*

Рисунок 6. Здание администрации, бывшая контора завод, 2020 (фото С.Ю. Королёвой)

О существовании завода напоминает также улица *Заводская*:

Да, вот это улица Заводская, которая идет от церкви. Где-то у меня тут бумажки, подписывала. <...> Вот она как раз-от идет от парка и вверх, Заводская. Вот она у меня тут на фотографии-то, вот она и есть. А некоторые названия заменили [НТА].

После затопления завода в Майкор перевели участок крупной организации – Иньвенского сплавного рейда, занимавшегося лесосплавом. Для работников рейда были построены многочисленные дома, и в результате посёлок поделился на старую (в прошлом связанную с заводом) и новую части – *Майкор (центр, конец) и посёлок*, а в речевом обиходе появились выражения *идти в Майкор / в центр и идти в посёлок / на посёлок*:

Вот выражение: «Чё, пойдём на посёлок?» – «А чё, а мы где?» Я говорю: «Да, мы в Майкоре». – «Как в Майкоре?! А там что?» – «Там посёлок». Это вот рейдовый посёлок был застроен, вот получил название такое [СОБ];

У нас есть выражение «идти на посёлок», «сходить на посёлок», то есть идти туда – в рейдовый лесосплавной участок. А здесь говорят «в центр пойти, в Майкор». <...> Где вы сейчас живёте, это уже новый посёлок, который был построен для иньвенских сплавщиков. До логга – это у нас заводская территория, а за логгом у нас, мы так и говорим: «Идти на посёлок». Вот неместные говорят: «Как на посёлок у вас?» У нас был посёлок Майкор, но у нас еще был и рейдовый посёлок. У нас до сих пор сохранилось в речи: «Сходить на посёлок», то есть идти на рейдовый посёлок, туда. <...> И у нас еще, знаете, когда я была маленькая, у нас всегда парни поселковые... у них там своя школа была <...>. Такие стычки были! И как говорили: «Посёлок с концом дерётся!» С Майкором. Если наши парни пришли к ним в рейдовый клуб туда, их колотят. Но если они с посёлка пришли к нам сюда, вот здесь у нас площадь, клуб стоял, то им попадало: «Конец с посёлком дерётся!» Наш Майкор – это был как конец посёлка... Вот у нас был такой водораздел вот этот лог [ШНА]⁷.

Производственный процесс

В беседах с жителями Майкора мы не ставили целью получить подробные описания производственного процесса. Вопросы давали возможность рассказать о самых ярких воспоминаниях, связанных с заводом, а также касались отдельных групп лексики, где мы ожидали обнаружить диалектные наименования предметов. К их числу относились названия рабочей одежды. Однако таких наименований удалось зафиксировать немного (возможно, это связано с тем, что наши собеседники не имели собственного опыта рабо-

ты на заводе и могли рассказать только о своих родителях и старших родственниках):

Вот там в таких деревянных как колодках работали. Очень толстое сукно одежду одевали. Там же искры летят, домна, жара такая. Мы ходили грелись, когда картошку копали за заводом <...>. Я была на заводе, папа на электростанции работал [НТА];

Они в лаптях ходили, мать рассказывала, ну и я видел тоже. <...> Мартеновские печи. Там такие у них были широкие эти... Солдатские как это шинели, вот материал-то такой был. [Сукно?] Сукно такое, да. Сукно такое было, вот это я помню. Широкие штаны, они, вот эти литейщики вот там работали, мы заходили, там всё осмотрели. <...> [А что еще сверху надевали?] Телогрейки раньше были такие, фуфайки назывались. Халаты сами шивали, такие халаты. [А из какого материала шили?] Да вот это сукно, сукно такое было. [А на голову что?] Платки одевали. [А мужчины?] Мужчины... кто в шапке, кто в тюбетейке. Зимой в шапках ходили. [А рукавицы на руках были?] Выдавали, наверное, рукавицы. Выдавали, наверное, потому что рукавицы были, тоже суконные такие. <...> Вот фартуки носились... это как клеёночные такие они были. [Типа брезента?] Как брезент, да [ГРХ].

Для рабочей рукавицы зафиксировано название *вächeга*:

*У рабочих были рукавицы, у нас их почему-то называли *вächeги*. Это вот своя заводская терминология какая-то была [ШНА].*

В русских говорах пермского края *вächeга* ‘рабочая рукавица, обычно из холста, со стороны ладони обшитая кожей или брезентом’ [СПГ 1: 79]; ‘варежка’ [СПГ 1: 79], ‘вязаная рукавица’ [СРГСПК: 192].

В беседах неоднократно упоминалась заводская железная дорога. Небольшие паровозы, осуществлявшие перевозку грузов, получили диалектное название *кукушка*:

*...там это всё большие лошади тягали эти вагонетки да вручную толкали в основном. А потом тут маленькие паровозики были такие, бабушка говорит, *кукушки* или как там это. <...> *Кукушки*, типа маленькие паровозики, там это туда-сюда, грит [ШНГ].*

Из множества процессов, составляющих производственный цикл, жители посёлка особенно часто упоминали изготовление угля – углежжение⁸. Известно, что первоначально уголь жгли в лесу в специальных углежогных ямах и в готовом виде доставляли на завод. Однако затем процесс изменился: на заводской площадке были построены углевыжигательные печи, для получения угля использовались деревья, доставленные сплавом по реке (см. Рис. 7):

Рисунок 7. Обжиг угля на Майкорском заводе, худ. Н.А. Лаков, 1943.
(ПГХГ, фрагмент уличной экспозиции «Искусство помнить», 2020)

Да, было, и тут тоже так же. <...> Ну, это далеко в лесу, вряд ли там сохранились [ямы]. Это были еще какие годы! <...> Но быстро поняли, что это невыгодно, лучше сплавлять и сжигать тут, у завода, чтобы рядом было... Ну это где-то недалеко от Тукачёво, это вот оттуда дорога такая. <...> А этот лес на чурки двухметровые распиливали, и стояли печи для углежжения. Сколько, забыла уже? Двадцать пять, что ли. Огромные печи. В них вот эти чурки закладывали, поджигали и наглухо закрывали, они там потихоньку тлели. Получался такой уголь необычный, и вот на этом угле-то и выплавляли чугуна. Поэтому он был качественный [НТА].

Процесс углежжения назывался *томить уголь*:

Были такие, как называют, печи в заводе. Уголь выделявали, *томили* этот уголь, и металл-то вот этот производили, чугуна [ГРХ].

Для печи использовалось наименование *томительная печь* (что соответствует заводской терминологии начала XX в. [Микитюк 2003: 163–164]):

Они вытаскивали чурки в любое время года из этого пруда – и в эти *томительные печи* <...>. До древесного угля оно обугливалось [ШНА].

Изготовление угля было тяжелой и грязной работой, о чем свидетельствуют и сформировавшиеся в речи жителей Майкора паремийные выражения как *с углежжения* / *как на углежжении* и *прийти с углежжения* / *работать на углежжении* ‘быть грязным’:

Вот в этих домиках – это уже было построено потом, потому что доменную-то печь топили чурками, – и вот в этих домиках эти чурки доводили до древесного угля. 126 томительных печей! У нас даже выражение было такое – «*пришел с углежжения*». [Это что значит?] Ну, грязный, как с углежжения пришел [ШНА];

ШНА: И у нас вот даже выражение такое как, получается, да? *Пришёл с углежжения*. То есть про грязного человека... КВФ: Чё ты как с углежжения. ШНА: Как на углежжении был, да. КВФ: «Чё ты, – говорит, – что, на углежжении что ли *работашь*?» Вот так вот говорили! Там чёрные, грязные люди. ЧТФ: Но платили там хорошо! КВФ: Но платили хорошо на углежжении.

В семейных рассказах о старших родственниках сохраняются подробности тяжелого труда. Так, выжиганию угля предшествовала доставка сырья, которой занимались и женщины:

Дело в том, что топили доменную печь древесным углем. Чурки вылавливали в том же пруду. Вот я помню, что моя бабушка – не мама, а бабушка, – она работала. Когда деда посадили в [19]37-м году, ее с завода убрали. Но когда началась война, рук не хватало рабочих, ее отправили на такую простую, но тяжелую работу. Они вытаскивали чурки в любое время года из этого пруда – и в эти томительные печи, которых много-много на макете. До древесного угля оно обугливалось, и потом по этому вот транспортеру оно шло в доменную печь. И вот она рассказывала даже, что настолько они замерзали, что при-

ходила – и лапти примерзали к ногам. Она ложилась в русскую печку, ноги туда клала, отогревала и тогда только начинала заниматься, если было время, домашними работами [ШНА].

Рабочий, который следил за исправностью печей и замазывал образовавшиеся отверстия глиной, назывался *зати́рицик*, он мог отвечать за несколько десятков устройств:

У мамы было сорок печей, такая тяжелая работа была, затирициком работала. Все эти печи надо было затира́ть, после как выгребут уголь, вот ей надо было это всё... Затира́ть все эти печи, сорок печей. [А чем она затира́ла?] Глиной. Глину там специально разводила сама и эти печи, сорок печей. А печи-то большие такие они. <...> Чтоб щелей не было, эти вот всё затира́ла. <...> А мне в то время было, я уже тоже ходил в этот завод, мне где-то 9–10 лет было. [Вы обед маме носили или там уже работали?] Нет, я просто помогал матери ходил. Помогал там, глину месить эту помогал. Долго я там не ходил, может, раза четыре-пять бывал [ГРХ].

Продукты производства

В интервью упоминается один из побочных продуктов производства металла, вычищаемый из доменной печи, – *шлам*:

Потому что вот этот шлам, который после домны-то оставался, домну-то когда чистили там после железа, там всё это вываливали. И вот этот шлам, он еще горячий, вот бабка рассказывала... [Как вы его называете?] Шлам, шлам. Бабка рассказывала, вот у Н.А. мама, она ж кондуктором работала на этих вагонах-то. И там, она говорит, они всю ночь, ночью особенно, когда вагонетки там выкатятся, там на эту насыпь-то вываливают эту красную, как лава, растекается. Всё, говорит, ну зрелищно это было. Я только могу это представить: как лава, дак это как всё течет в воду там, остывает. [Это где?] Вот они, Шлаковки-то, острова [ШНГ].

Лексема *шлам* (от нем. Schlamm – букв. ‘грязь’ [Шлаттер 1984: электр. ресурс]) – термин горного дела, имеющий ряд значений: 1. Частицы угля или руды, содержащиеся в гидросмеси (горн.). 2. Порошкообразный промежуточный продукт металлургического производства, содержащий благородные металлы (метал.). 3. Нерастворимые отложения (из воды) в паровых котлах в виде ила или твердых кусков (тех.). 4. Осадок в виде мелких твердых частиц, выделяющихся при отстаивании или фильтрации жидкости (тех.) [Крысин 2008: электр. ресурс]. Шлам в металлургии – это мелкие частицы руды (фактически пыль), которые собираются (в т. ч. вычищаются из печей), а затем утилизируются разными способами. В майкорских записях, вероятно, отразился один из способов утилизации, характерный для середины XX в.

На заводской площадке существовало место, куда сливали некачественные (перемешанные со шлаком) остатки чугуна. Охлажденные куски металла можно было собирать и сдавать в пункт приема металлолома. В конце 1940-х гг. такой работой занимались поселковые мальчишки и подростки. Застывший в виде кусков чугуна, по-видимому, не имел специального названия, в одном из интервью для его обозначения используется слово *пла́шка*:

ГРХ: Чугун сплавляли когда, потом его вывозили вот сюда на пятачок этот, и мы уже собирали этот металл, сдавали. По 6 копеек килограмм сдавали. <...> Чё, мы такие ребята. Этот чугун выльют, остаток весь, – там специально паровозы возили, зарево такое! Когда это выливали уже. Далёко видно, что чугун, этот остаток выливают. А на другой, на третий день мы, ребята, идем и собираем его, такие плашки всякие. [А, ну то, что оставалось, наверное?] Остается, мы его разрубляем, от шлага отделяем – и сдавали вот так по шесть копеек... Здесь специально это магазин был. ГАЮ: Заготовительный раньше назывались они. ГРХ: Заготовительный сельпо называлось. [Это как металлолом получался?] Как металлолом сдавали туда. Вот шесть копеек килограмм, вот этими немножко тоже наживались. [А куда эти деньги шли?] ГАЮ: В карман! (Смеется.)

В русских говорах Пермского края лексема *плашка* имеет несколько значений, среди них ‘гладкая сторона полена, разрубленного пополам’ [СПГ 2: 104]; ‘доска’ [СРНГ 27: 101, 104], в речи жителей других регионов – ‘срубленное и очищенное дерево; бревно’ (Сиб.); ‘пень, пенек’ (Ряз.) [там же: 101, 104]. Застывший чугун также мог иметь продолговатую форму, перед сдачей в сельпо его разрубали на более мелкие куски, что, вероятно, и дало основание назвать их плашками.

Рассказывая о продукции завода, жители поселка активно используют слово *чушка*, специальное значение которого – ‘небольшой слиток металла в виде продолговатого бруска’ [Ефремова 2000: электр. ресурс]:

Вроде бы выпускал мирную продукцию... Вы же помните, что никакой подготовке к войне! Но у нас же заводы, понятно, что они все потом станут военными. Выпускали ступы, чугун вот такие вот чушки. <...> Это местное производство. Эта заготовка для лемеха, плуга, даже заготовки для ножей – всё, в общем, вот такую мелочовку якобы кроме чугуна завод выпускал [ШНА].

По воспоминаниям, на Майкорском заводе использовались также большие чугунные бруски; их погрузкой занимались не только мужчины, но и женщины:

ГРХ: Вот сестра работала тоже на заводе, у мамы сестренка младшая, она с [19]16-го года. Чугун

Королёва С.Ю., Клюйкова Е.А.
ПАМЯТЬ О МАЙКОРСКОМ ЗАВОДЕ
В ЯЗЫКЕ И СЕМЕЙНЫХ РАССКАЗАХ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

выгружали они вот этот, сорок килограмм, эти чушки были по сорок килограмм, их надо было в вагонетки грузить, вот это всё. Тоже по рассказам. <...> Мама-то у меня хоть один класс кончила по старинке там. А эта неграмотная была. Работа тяжёлая, грузят, грузят – дак, говорит, хоть отдохнуть надо. Она уйдёт там где-то на берег, чтоб отдохнуть немножко. Дак вот этим только отдыхала, говорит. ГАЮ: «Время, – говорит, – посмотрю пойду, сколько время, на часы». А часы, говорит, не умею, как они, сколько. Там, говорит, спрошу у кого-то, сколько время. (Смеётся.) <...> ГРХ: Вот до [19]55 они в заводе всё работали вот это... вот эти чушки грузили в вагонетки.

Лексемой чушка называются также застывшие остатки чугуна, перемешанные со шлаком (то же, что плашка):

И вот тут тоже, видите, грунт весь в ту сторону, вот купаться – там уже везде шлак, вот он как залит-то этим. Это... ребят, это чё? Это не чугун, это чушка какая-то, знаете, это сплав вот с этим тяжёлый [СОБ];

Ой, всё уже пересдавали! Там пока весной воды нету, на реке-то, там токо в русле, дак там на чём – на тракторах, на машинах... [Собирают, да?] Собирают. Ой! Всё уже вытягали!.. Остатки там. Там очень много было вот этих железных чушек, которые металл некондиция, которые в шлак отливали, просто у нас их делали. А они же тоже с содержанием металла, они тяжёлые. Хотя металлоломщики скидки делают на них [ШНГ].

В настоящее время в связи со сложной экономической ситуацией некоторые жители Майкора занимаются сбором металлических изделий и их сдачей в пункты приема. Для чугуновых слитков и остатков заводского оборудования зафиксировано слово (возможно, окказиональное) *чугунинка*:

У нас ведь щас этим промыслом занимаются. Вот это, что там, вот эти всякие чугунишки да что осталось, они их собирают, когда вода уходит [СОБ].

О существовании завода сегодня напоминает и та продукция, которая либо попала в личное пользование в связи с демонтажом предприятия, либо изначально предназначалась для населения и его бытовых нужд. Говоря о ней, наши собеседники особенно отмечают предметы с заводскими клеймами. Тот факт, что в прошлом владельцем завода был П.П. Демидов, стимулирует рассказы об известном клейме «Чёрный собо́ль» (точное название «Старый Собо́ль»):

Выпускали металл, который, вы знаете, что клеймо имел «Чёрный Собо́ль». То есть оно [железо] было настолько мягкое, гладкое, что вот там стояло клеймо: аббревиатура ССПД – «Статский совет-

ник Павел Павлович Демидов», аббревиатура и «Чёрный Собо́ль» [ШНА]⁹.

В поселке имеются рельсы с клеймом другого типа, служащие опорой для поленницы:

Сосед вот рассказывал: у нас металлоломщики сдавали, говорит, листы – там они клеймённые даже были. Там производство князя Львова или чё. Вот два рельса воткнутых стоят. <...> [Ничего себе! А для чего вообще здесь рельсы воткнуты?] Поленницу, дрова они у него держали... Вот завод когда разбирали, там много всего стащили, и эти рельсы [ШНГ].

На одном рельсе часть надписи срезана, на другом она читается почти полностью: «Демидова НТЗ III МЦА 1899» («Демидова Нижнетагильский завод»; март 1899 – дата производства рельсов). Железнодорожные рельсы с такими клеймами изготавливались на Нижне-Салдинском заводе, входившем в группу демидовских предприятий Нижнетагильского горного округа [Родионов и др. 2009: 256–257].

Из предметов бытового назначения наши собеседники вспоминали о заводском клейме на печных дверцах:

КВФ: *Мы росли около этого завода, вот знали, что это завод... МЛФ: Демидовский. <...> ЧТФ: Ну, мы слышали, что демидовский, а там хозяева-то были другие, Демидов-то уже ведь позднее скупил всё. <...> МЛФ: У нас было, у печки... КВФ: На дверке. МЛФ: И там написано: «Демидов». Да. [Да вы что?!] Да на всех чугуновых изделиях было так, да. <...> МЛФ: Да, да, «Демидов».*

Клейма более позднего времени встречаются и сегодня:

И еще, пока не забыла: вот кроме того, что это господский дом... вот, видите? (Показывает на дверцу печи.) «Майковский металлургический завод». Это святое тут! [ШНА].

Прилагательное заводской

Нашим беседы с жителями Майкора носили тематический характер, в этом контексте они упоминали локусы и предметы, которые определяли как *заводские*. В отличие от названий *Заводской пруд, улица Заводская*, эти словосочетания не являются топонимами и не характеризуются устойчивостью. Однако они безусловно воплощают память о заводе и потому заслуживают внимания.

В поселке сохраняются старинные дома, и местные жители помнят, что часть зданий имеет отношение к заводу:

Это же дома-то, вот этот ясли – то же чей-то дом. Вот эти все дома: садик, библиотека, допустим, – это дома управляющих, заводчиков. Вот они до сих пор стоят [СОБ].

Королева С.Ю., Ключикова Е.А.
ПАМЯТЬ О МАЙКОРСКОМ ЗАВОДЕ
В ЯЗЫКЕ И СЕМЕЙНЫХ РАССКАЗАХ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

В интервью такое здание может называться *заводской дом*:

*Напротив пожарки школа была. Там женская была, как от завода женская школа была, называлась. <...> Вот здесь сейчас библиотека – это всё **заводские дома**, при заводе еще. И всё богатые люди, инженер жил в этом доме вот. А на нашем доме табличка 1823 год. [Это здесь?] Нет, в том доме. Двухэтажный. Табличка-то такая еще была, она не ржавеет, ничё... Круглая, полукруглая такая. И всё это чеканкой как сделано вроде, такая табличка была, кто-то ее снял у нас [ГРХ];*

ГРХ: *Металлическая плита у меня есть. Для реликвии хотел всё это... Тоже завод выливал. [Расскажите.] Редкость такая плита. Там рисунки такие. <...> Оно под фундаментом было, вот тут дом был <...>. **Заводской**, не заводской **дом** был... ГАЮ: Когда дом разобрали, мы оттуда вот и принесли тут как-то.*

Между домами, где раньше жили представители заводской администрации, и высоким берегом Иньвы расположен *заводской сад*:

*Вот здание администрации, тут здание клуба старинное. Вот такая беседка раньше в саду была. [А в котором из двух?] <...> А тот заложен очень давно, **заводской**, вот который сейчас где гуляем... Вот беседка была вот в том, который на берегу [НТА].*

Раньше рабочим доступ в сад был закрыт:

*Это была частная территория господских домов, это был сад. Здесь мы когда-то с ребятами насчитали 349 деревьев. Сейчас все аварийные уже выжили. И посажен этот сад был примерно лет 150–130 назад <...>. И вот эта территория была огорожена вся, она была частная. Тут стояла частная беседка вот, где сейчас сцена у нас, тут была беседка, туда дамочки выходили, чай пили. Сюда заходить было нельзя, здесь всё было огорожено. <...> Причем мы посмотрели, здесь были собраны породы всех деревьев, которые есть в нашем крае. [Этот сад как-то назывался? Господский?] **Заводской**. Вот если в Пожеве Княжеский сад, у нас **заводской сад** [ШНА].*

Трудно однозначно определить, остается ли *заводской сад* именем нарицательным или превращается в микропоним. Некоторые жители Майкора называют это место просто *сад*:

[А его в обиходе как называют?] **Сад** и называют. [Просто сад?] *Просто сад*. [Не говорят там заводской?] Нет, нет. «Куда пошли?» – «Пошли в **сад**». **Сад**, просто **сад**. <...> Он мне раньше очень нравился, сейчас его загородили, я даже туда не иду [СОБ].

В советское время в саду был летний театр, летом по вечерам работала танцплощадка, играл духовой оркестр:

Здесь вот, у меня даже мама рассказывала, что была танцплощадка. Она говорит: мы с завода поднимались, там были лесенки. И говорит, на заводе был душ. Но это уже были [19]50-е годы, это рас-

сказ моей мамы <...>. Она говорит: мы в душ сходили, в бане вымылись, платье одели, пришли на танцплощадку, протанцевали. Духовой оркестр, всё нормально было. И тогда уже здесь вот этот сад заводской был огорожен, и пускали по билетам [ШНА];

ГАЮ: *Тут же Дом культуры был, вот тут в углу-то <...>. Говорит, в кино они ходили после смены. На танцы, там, говорят, Ринат же, наверное, знает, танцплощадка какая-то была. ГРХ: Танцплощадка была, и всё это, она была танцплощадка... Ходили мы, ну, дети вокруг площадки только, танцы-то. Духовой оркестр был заводской. <...> Жалко, конечно, все эти инструменты.*

Сад был местом отдыха поселковой молодежи, в том числе заводских рабочих, здесь назначались свидания, рассказы о которых – романтически или юмористические – составляют сегодня часть семейных историй:

Там обязательно в молодость моих родителей, вы что, там такие танцы были! Вот папа всё рассказывал, с мамой они когда еще начинали встречаться. Завод особенно, когда идет слив, видимо, там это металла, – говорит, так светло, грит, становилось! Он сам по себе светился. Мама купила туфли, первые лакированные туфли. Пришла на свидание, грит, сиду, ножки вытянула, туфли так поблескивают, всё. Вот папа ей... ну, он тогда еще не папа, грит: «Нина, а ты что сегодня в галошах пришла?» (Изображает кокетливую интонацию.) «Ха, Борис, у меня лакировки новые, ты что!» – «А я думал, ты галоши надела». Вот гуляли, там такие танцы были, ходили. Духовой оркестр играл. Там же, знаете, был... там был летний театр! <...> Большое оно было такое, знаете, деревянное здание, просто сцена закрытая, а перед ней, я помню, просто скамеечки были. <...> Наши родители ходили туда на танцы, у них много интересней было, чем у нас [СОБ].

В интервью встретилось упоминание о *заводской бане*, располагавшейся на территории завода:

*А потом, ну, баня была. Вот я там подружился с другом здесь с майкорским, у него мать баницей работала там... **Заводская баня**. Там, значит, жарилка была, у этой бани, – всю одежду туда, вшей много было раньше, голодные были. Сперва, чем в баню идти, раздеться – и всё в жарилку, жарили всё эту одежду. Баня большая была! <...> Там у нас своих тоже не было баней на Горках. Была, только потом уже, на несколько семей мы, на 7–8 семей делали баню. А потом вот эту баню ходили [ГРХ]¹⁰.*

Рядом с баней была построена прачечная, использование которой существенно облегчало быт работников завода:

[А вот баня, прачечная – они стояли на заводе?] КВФ: *На заводе. [А как вас пускали туда?] <...> Вот, например, меня пускали, потому что знали, папа потом работал начальником там... [А кто мог стирать белье?] МЛФ: Все рабочие. КВФ: Все рабочие завода.*

Королёва С.Ю., Ключикова Е.А.
ПАМЯТЬ О МАЙКОРСКОМ ЗАВОДЕ
В ЯЗЫКЕ И СЕМЕЙНЫХ РАССКАЗАХ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

[Можно было и домашнее принести?] *Всё-всё! Мама большие санки брала, всё это грузила, и вот мы так просились с ней, это было только вечером, уже темно было. Потому что днем-то на работе все. И вот мы вечером туда ходили и вот стирали.*

Вспоминая о продукции, выпускавшейся на предприятии, жители Майкора чаще всего рассказывают про особый *заводской кирпич*, который производился на заводе и/или остался после демонтажа заводских корпусов перед затоплением промышленной площадки. Образцы таких кирпичей хранятся не только в фонде Майковского музея, но и в личных подворьях жителей поселка – причем не только с хозяйственными, но и с меморативными целями: как материальное воплощение памяти о заводе. В устных нарративах *заводской кирпич* частично мифологизируется (наделяется сверхпрочностью), равно как и сложенные из него объекты (домашние печи и т. п.), что заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь мы ограничимся одним примером – рассказом, записанным в татарской семье, которая пользуется русской печкой, сложенной из заводского кирпича:

ГРХ: *А кирпич делали тоже в заводе. Там другой совсем кирпич. Он и щас есть у нас вот он.* [А расскажите, чем другой?] <...> *А в то время он крепкий такой, это его обжигали там специально, печи были, тоже кирпич-то.* ГАЮ: *И поставлено «Зэ» буква – или «завод», или буква «Зэ» ли. Вот на этих кирпичах.* [Это хороший кирпич?] *Хороший, наверное!* ГРХ: *Да, он крепкий, до сих пор его... он крепкий такой кирпич.* ГАЮ: *Вот эти вот печи-то у нас, вот этот дом в [19]62-м году, вот эти кирпичи и есть.* ГРХ: *Тот же заводской кирпич.* ГАЮ: *Вот русская печка внизу у нас, тоже в того же года, всё время же она, русская печка-то, топилась каждый день.* <...> ГРХ: *Кирпич-то большой он, хороший! Крепкий такой.* [Его как-то называют? Заводской, майковский или как?] ГРХ: *Да, вот заводской кирпич, так и называли, заводской. И щас всё еще: «О! Заводской кирпич». Когда печи или*

чѐ: «Вот заводской он кирпич»... Он крепкий такой, хороший кирпич был.

В число основной продукции Майковского завода входило листовое железо. Доступность этого материала, как и зажиточность заводчан, привели к распространению обычая (известного и на других горнозаводских территориях) покрывать крыши домов *заводским железом*. Эта черта поселкового быта отмечается иногда жителями как отличающая Майкор, Пожву и другие заводские поселки от окрестных деревень:

Здесь у нас было, крыши крыли листовым железом. Вот Майкор – это раньше не шифер, не вот эта черепица современная, они все были покрыты железом. Вот у меня сейчас Ш. снял железо со двора. Оно стопкой так и лежит. Это старое заводское железо [ШНА];

*Ну, может быть, оно и было привозное, может быть, со старых запасов где-то, трудно сказать. <...> Все эти вот заводские поселки, вот в Пожве, что у нас, здесь всё было покрыто железом. А если вот по деревням проехать, у них раньше было всё это [деревянной] дорожкой. <...> Здесь вот на доме то же самое железо было, в металлолом сдал. Но оно было, действительно, вот на доме оно было **заводское**. А дворовое – это уже я не знаю, а вот тут точно было **заводское**. [Как отличаете?] Там размеры листа другие. Вот здесь, видите, стандартные, а там они были пошире и толщина листа побольше [ШНГ].*

Период существования завода осознается причастными к нему жителями Майкора как особая эпоха, все больше уходящая в прошлое (Рис. 8); в одном из интервью она названа *заводское время*:

*Вот там дом двухэтажный, это во время завода его строили, табличка была 1823 год, его строили. Вот я там жил скоко? – с [19]72 до 2005 года я там жил, в этом доме, 30 лет. Ну, щас он развалился, конечно. Вот их два дома, они выстроены в **заводское время** [ГРХ].*

Рисунок 8. Майковский завод в последний год своего существования
(фото из архива Т.А. Невוליной)

Заводчане

В тематических интервью обнаруживаются наименования заводских должностей, которые существовали еще в XVIII–XIX вв. Современные жители иногда употребляют их в иных значениях, которые не всегда точно определяются по речевому контексту. Таково, к примеру, существительное *мастеровой*, первоначально обозначавшее несколько категорий горнозаводских рабочих (казенных и крепостных, в дальнейшем вольнонаемных), которые выполняли квалифицированные производственные работы (работу у доменных печей, кричных молотов и т. п.) [Дашкевич 2000: 332]. В зависимости от вида труда, его оплаты и владения дополнительным ремеслом, мастеровые могли быть довольно зажиточными:

Потому что дед был мастеровой. <...> А вот эти вот бревна, они этой отдирали какой-то дранкой, чтобы они воскового цвета были. Да, у меня дед был мастеровой, он мог себе позволить привести рабочих и заставить свой дом вымыть [ШНА].

Владение различными видами ремесел, типичное для мастеровых и работных людей, по видимому, послужило основой для появления нового значения слова *мастеровой* (прил.) – ‘искусный, умелый человек, мастер’:

[В таких поселках люди много умели делать своими руками. Мужчины были, как их называют, рукастые, да?] *Мастеровые.* [Есть такое слово?] Да. [Что, например, сами делали?] *Господи, дак вот посмотреть всё – они всё своими руками делали! Вот этот потолок они с папой вместе, они всё строгают. Как это называлось, с помощью чего выстрогают, мам?.. Струж, вот. Или же рубанок был, а это струж, надо было вдвоем: один впереди, второй сзади. Один на себя, другой толкает, второй на себя тянет. Подobie рубанка и две ручки [СНГ].*

А папа у нас мастеровой был, голова шарил у него в этом направлении, он любил с железом заниматься. Вот это всё его руками сделано было, и здесь он точил, и металлические детали, деревянные детали точил на этом станке. А сейчас вроде как и без надобности. [Жаль.] Жаль, дак вот нету продолжателей, некому этим заниматься, любителей [СНГ].

Встречается в рассказах и слово *мастер*, обозначающее одну из руководящих заводских должностей:

ШНА: *А на моем доме, помните, какие красивые трубы были? Вот эти вот с цветочками.* КВФ: *Да. С цветочками – это тоже на заводе делали же. [А их как называли?]* ШНА: *Водосточная труба. <...> У нас-то, видите, у нас же дед-то был мастер. Вот я и говорю, поэтому какие-то цветочки были;*

Вот это опять же мой дед, только со стороны мамы... И тоже репрессировали. Но в [19]40-м году,

накануне войны, его выпустили, и он был очень хорошим, как сказать, мастером. Он работал, возглавлял котельную [ШНА].

Обладание специальными ремесленными навыками, владение инструментами, отсутствовавшими у крестьян, были теми факторами, которые влияли на идентичность горнозаводских рабочих и их быт [Голикова 2008; Чагин 2014а: 23–33]. Умение работать с металлом и другим материалом, способность адаптировать эти навыки для хозяйственных нужд, уважение трудолюбия и индивидуальному мастерству – ценностные ориентиры, заложенные в период существования завода, которые прослеживаются в рассказах жителей Майкора и сегодня. Заводская (и «постзаводская») аксиология выражается в целом ряде лексем, например: *ремесленник, умелец, рукастый, работающий.*

Раньше это постоянно, здесь многие дома они имели вот такие, потому что железо свое было там. А рабочие, вот которые ремесленники, могли такое делать. Вот у Н.А. отец, он по металлу хорошо работал. [Это они в свободное время?] Не, это они в свободное время там. Надо кому-то – раз, поработали. Если у тебя это получается, дак они занимались кто чем, кто корзины плел, кто железо ковал. <...> У отца тут у них инструмента полно было и изделий было вот таких всяких. Чё токо не было! Всякие приспособления, какие-то там это... то чеканить, видимо, или отбивать, или клепать там чё-то. Наборы, наборы, наборы там [СНГ].

ВЛФ: *В печке мешать. Кочерга!* МЛФ: *И там тоже что-то было. Она закручена вот так по спирали, по спирали вот эта ручка.* ЧТФ: *Дак умельцы-то ведь всякие были.* МЛФ: *И вот там тоже клеймо какое-то было;*

Мама у нас предприимчивая была, а папа вот умелец был. Он делал гребёнки, гребешки, всякую всячину!.. На работе, он дежурный электрик. [Тоже металлические были?] Да. Вы придете, я кое-что найду вам. Табакерка есть, хочу в музей отдать тоже [НТА].

И вот завод в [19]39-м начали восстанавливать, а он [отец] уже не работник! Он сторожил только на заводе, чё-то охранял. Тросточки сам делал ходил, металлические. Сейчас они цветы вон подпирают, ставлю. [Там на заводе тросточки делал?] Да. Он у нас очень рукастый был, он всё делал, много всего. [Не только для себя?] И продавали! Во время войны мама меняла на хлеб в деревне, возила [НТА].

[Эта мебель вот вся самодельная, получается?] ДВС: *Да, самодельная. <...> Шкаф нет, его мама покупала уже как-то поздно... А остальное, вот эти столы – это всё уже папа делал. <...> Я не знаю, своё, как вот я росла, всё это было... ШНА: *Где купить-то? Конечно, сами делали.* ДВС: *Сами, сами... Отец у нас работающий был очень! <...> Вот я пока**

Королёва С.Ю., Клюйкова Е.А.
ПАМЯТЬ О МАЙКОРСКОМ ЗАВОДЕ
В ЯЗЫКЕ И СЕМЕЙНЫХ РАССКАЗАХ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

росла, считайте, с [19]43-го года, я вот помню всё это, эта мебель была.

Выводы

История уральских заводов – сложившийся предмет научного исследования, но он «приобретает новое измерение, как только в качестве “сырья” начинает использоваться жизненный опыт самых разных людей» [Томпсон 2003: 17]: большая история как бы заново складывается из множества личных и семейных историй, сообщающих о фактах – и еще больше о ценностях [там же: 166]. Мы попытались объединить несколько подходов и проанализировать не только устные рассказы жителей Майкора как таковые (семейные, биографические, в меньшей мере краеведческие и экскурсионные нарративы), но и встречающуюся в них лексику, связанную с существованием завода. При этом нам хотелось показать не только случаи сдвигов в значениях слов, но и то, в какой социальной «микросреде» эти слова используются, и то, как функционируют называемые ими локусы и объекты.

Оказалось, что в современных записях отсутствует традиционный для горнозаводских поселений фольклорный пласт, включающий рассказы о переселении рабочих с первоначальных мест их проживания, с освоением новой территории, с объяснением иноэтничного топонима – названия поселка, и даже образ заводчика Демидова разработан в них слабо¹¹. Очевидное размытие локальной памяти обусловлено, по-видимому, миграционными процессами (массовым притоком приезжего населения в период существования Иньвенского рейда и оттоком в настоящее время). Наибольшую историческую глубину предсказуемо имеют рассказы местных краеведов, в остальных случаях описывается эпоха 1940-х – первой половины 1950-х гг., и это естественно, учитывая, что наши основные собеседники – люди, чьи родители трудились на заводе и кто в детстве застал его, но уже не имеет собственного опыта работы там. «Память второго поколения» (термин М. Хирш, см.: [Hirsch 2008: 105–106, 114–116]) опирается на систему микропонимов, связанных с заводскими объектами (прежде всего гидротехническими сооружениями), а также заводскую терминологию (названия производственных процессов, наименования должностей), иногда употребляемую в новых значениях. Отдельные выражения приобретают характер паремий. Принадлежность к заводу может маркироваться прилагательным *заводской*. «Отправными точками» для разворачивания нарративов являются некоторые предметы,

обычно приобретающие статус реликвий (продукция завода с клеймами, самодельные металлические вещи и др.). Значительная часть воспоминаний о предприятии является одновременно рассказами об опыте родителей и старших родственников.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре».

² В полевой работе принимали участие С.Ю. Королёва, М.А. Брюханова, А.В. Королёв; расшифровка аудиозаписей М.А. Брюхановой. Мы выражаем глубокую признательность за помощь в проведении исследования Н.А. и Н.Г. Швецовым, Т.А. Неволиной, О.Б. Ситёвой, а также В.С. и З.С. Зайковым.

³ Так, по мнению Е.Э. Ивановой, названия карьеров, копей, жил Самоцветной полосы Урала обусловлены «общностью психологии языкового коллектива этой территории, его системы приоритетов и ценностей» (имеются в виду горщики и старатели) [Иванова 2020: 108]. Когда происходит преимущественно государственное освоение территории месторождения, возникает административное вмешательство в создание системы наименований и она приобретает искусственный характер [Костылев 2020: 227]. Если системы складываются более естественным путем, популярной стратегией номинации становятся «многоступенчатые» переносы, при которых ранее возникшее название природного объекта служит донорным для наименования промышленного и/или геологического объекта [Костылев 2021: 210, 212–213].

⁴ В цитатах из интервью в квадратных скобках приведены вопросы собирателей.

⁵ Помимо удлинения плотины, шлак использовался в Майкоре для отсыпки дорог; следы более ранних насыпей обнаруживаются почти повсеместно:

На лошади пахали, воткнулся в этот камень, и сами себя это травмировали – такой огород был. Мы с женой всё разработали. [И это был именно шлак?] Вот такой шлак! Они и щас вот там целая гора их. [А говорили, шлак-то ведь...] На дорогу вываливали. Раньше вот здесь дорога, колеи такие, всё на дорогу вываливали [ГРХ].

⁶ В.П. Воеводин – гидротехник, смотритель Никитинского завода, спроектировавший для него особые гидросооружения, включавшие систему каналов и шлюзов [Чагин 2014б: 160].

⁷ Еще одна граница, значимая для местной идентичности, воплощается в катойкониме *майкорасы*, она является общей для большей части жителей поселка и отделяет их от соседнего коми-пермяцкого населения:

Мы ведь майкорасы, мы не пермяки! В Майкоре в основном русские живут. Раньше мы к Чермоозскому району относились, и только когда завод затопили, нас к округу присоединили [ВЕС].

⁸ Подробнее о процессе углежжения, уральских углежогов как вспомогательных горнозаводских работников, их трудовых навыках, особенностях быта и собственной культурной памяти см. работу В.А. Шкерина [Шкерин 2018].

⁹ Клеймо «Старый Соболь» (изображение бегущего зверя) использовалось в XVIII–XIX вв. на некоторых заводах, принадлежавших Демидовым и другим владельцам; железо с таким знаком обычно шло на экспорт и имело высокую репутацию на рынках Западной Европы и США [Металлургические заводы Урала 2001: 102, 167].

¹⁰ Поселок Горки (1 км от Майкора) был основан в начале 1930-х гг. для размещения спецпереселенцев – эстонцев, немцев, татар (которые численно преобладали) и других народов.

¹¹ См., к примеру, подобные предания на примере традиции русских заводских поселений в юго-западной части Республики Коми [Крашенинникова 2017: 137–143].

Список информантов

- ВЕС – Володина Елена Сергеевна, 1957 г. р., рус.; зап. в 2005 г.
ГРХ – Гарифулин Ринат Хуснулович, 1940 г. р., татар., род. в п. Майкор, временно проживал в п. Горки.
ГАЮ – Гарифулина Алия Юнусовна, 1946 г. р., татар., род. в Октябрьском р-не Пермского края.
ДВС – Давыдова Вера Семёновна, 1943 г. р., рус.
КВФ – Корякина Вера Филипповна, 1943 г. р., рус.
МЛФ – Мехоношина Лидия Филипповна, 1951 г. р., рус.
НТА – Невалина Тамара Александровна, 1941 г. р., рус., краевед.
СНГ – Справцева Надежда Григорьевна, 1958 г. р., рус.
СОБ – Ситёва Ольга Борисовна, 1958 г. р., рус.
ЧТА – Чадова Татьяна Филипповна, 1949 г. р., рус.
ШНА – Швецова Нина Андреевна, 1963 г. р., рус., учитель истории, директор Майкорского музея, краевед.
ШНГ – Швецов Николай Григорьевич, 1962 г. р., коми-перм., род. в д. Кротово Кудымкарского р-на, учитель географии.

Список литературы

Голикова С.В. «Люди при заводах»: о культурной идентификации горнозаводского населения дореволюционного Урала // Горнозаводские люди и крестьяне России в XVIII – начале XX в.: общественное сознание и быт / отв. ред. Н.А. Миненко. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. С. 3–15.

Голикова С.В. Профессионализация горнозаводского населения Урала в XVIII – начале XX вв. // Уральский исторический вестник. 2008. № 1. С. 80–86.

Голикова С.В. Пространственная организация горнозаводского Урала (XVIII – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1. С. 38–42.

Дашкевич Л.А. Мастерские и работные люди // Уральская историческая энциклопедия / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Академкнига; УрО РАН, 2000. С. 332.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova?page=18&letter=ч> (дата обращения: 03.10.2021).

Запольских Е.В., Подюков И.А. Названия месторождений и рудников Пермского края: история, региональная специфика // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, № 3. С. 19–29. DOI: 10.17072/2073-6681-2021-3-19-29.

Зверева Ю.В. О некоторых пространственных моделях в микротопонимии Пермского края // Научный диалог. 2019. № 1. С. 36–49. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-1-36-49.

Иванова Е.Э. Названия копей Самоцветной полосы Урала: номинативные типы и модели // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 107–134. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.020.

Костылев Ю.С. Дореволюционные названия объектов Березовского месторождения золота // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 3. С. 226–240. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.041.

Костылев Ю.С. Наименования объектов южноуральских месторождений пьезокварца с точки зрения стратегий номинации // Ономастика Поволжья: Матер. XIX Междунар. науч. конф., посв. 220-летию со дня рождения В.И. Даля / науч. ред. Е.Н. Бекасова, В.И. Супрун. Оренбург: Оренбургская книга, 2021. С. 209–214.

Крашенинникова Ю.А. История горнозаводских поселений Республики Коми в местной устной прозе (к вопросу об источниках и механизмах формирования фольклорного репертуара) // Человек и событие в исторической памяти / отв.

Королёва С.Ю., Ключикова Е.А.
ПАМЯТЬ О МАЙКОРСКОМ ЗАВОДЕ
В ЯЗЫКЕ И СЕМЕЙНЫХ РАССКАЗАХ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

ред. Ю.А. Крашенинникова. Сыктывкар: Изд-во КомиНЦ УрО РАН, 2017. С. 132–147.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovorod.ru/dic-krysin/krys-sh.htm> (дата обращения: 03.10.2021).

Макарова А.А. Маркеры рудных месторождений в топонимии Русского Севера и Урала // Известия Уральского федерального университета. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 4. С. 62–82. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.4.063.

Металлургические заводы Урала: Энциклопедия / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Академкнига, 2001. 536 с.

Микитюк В.П. Мелкая металлургическая промышленность Урала на рубеже XIX–XX вв. (на примере Никольского чугуноплавильного завода) // Уральский исторический вестник. 2003. № 9. С. 156–169.

Миненко М.А. Традиционная русская культура в условиях горнозаводского Урала XVIII–XIX вв. // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 27–39.

Родионов Д.П. и др. Структура железных и стальных рельсов, произведенных в XIX – начале XX в. на Уральских заводах / Д.П. Родионов, В.М. Счастливцев, Т.И. Табачникова, Ю.В. Хлебникова // Физика металлов и металловедение. 2009. Т. 109. № 3. С. 255–266.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2011. Вып. 1. 364 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1992. Вып. 27. 401 с.

СПГ – Словарь пермских говоров / ред. А.Н. Борисова, К.Н. Прокошева. Пермь: Книжный мир, 2000. Вып. 1. 605 с. 2002. Вып. 2. 575 с.

Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М.: Весь мир, 2003. 368 с.

Чагин Г.Н. Заводское поселение: правовой статус и культурная среда // Города-заводы / науч. ред. Г.Н. Чагин. Пермь: Книжный мир, 2014а. С. 7–36.

Чагин Г.Н. Майкор // Города-заводы / науч. ред. Г.Н. Чагин. Пермь: Книжн. мир, 2014б. С. 157–175.

Черных А.В. Уральские заводы: этнокультурные особенности и границы идентичности // Антропология и этнология: современный взгляд / отв. ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 138–151.

Шкерин В.А. Горнозаводское углежжение в памяти потомков южноуральских углежогов (по полевым материалам) // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация России в XVIII–XXI вв.: Матер. XIII Всеросс. науч. конф. / отв. ред. Е.Ю. Рукосуев. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2018. Т. 1. С. 250–259.

Шлаттер И.А. Шлам // Горная энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Е.А. Козловский. М.: Советская энциклопедия, 1984. Т. 5. [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/mining_encyclopedia/Шлам (дата обращения: 09.09.2021).

Якимова С.И. Легенды и предания в истории Майкора [Школьная исследовательская работа]. Фонд Майкорского музея трудовой и боевой славы. Рукопись. 2020.

Hirsch M. The Generation of Postmemory // Poetics Today. 2008. Т. 29. № 1. P. 103–128. DOI: 10.1215/03335372-2007-019

MEMORIES OF MIKORSKY FACTORY
IN LANGUAGE AND FAMILY STORIES OF LOCAL COMMUNITY

Svetlana Yu. Korolyova

Assistant Professor, Russian Literature Department
Perm State University

Ekaterina A. Kliuikova

Senior Lecturer, Russian Literature Department
Perm State University

Preserving memories of the disappeared factories and maintaining specific identity of village residents over time become problematic for the local community. Memories and identity are based on cultural and linguistic mechanisms, which are described in the article on the example of the Maykor settlement in the Perm Krai. The analysis of spoken stories of Maykor residents revealed the lexemes determined by the factory existence (industrial microtoponymy, factory terminology and related paremic expressions, etc.). Loci, as well as objects that gain the status of relics (products with stamps, homemade metal objects, etc.) function as the material embodiment of factory memories.

Keywords: Middle Urals; industrial microtoponymy; factory terminology; local memory; spoken family stories.